

Противоречие интересов доверителей адвоката-защитника в уголовном процессе. Понятие, последствия, проблемы установления и процессуального реагирования

Аннотация. Статья посвящена исследованию различных вопросов противоречия интересов между подзащитным адвоката-защитника в уголовном процессе и другим его доверителем, которым может выступать как другой подзащитный адвоката, так и прочие доверители адвоката, которым он оказывает или оказывал ранее юридическую помощь в любой форме. В работе исследуется правовая сущность противоречия интересов доверителей, а также обосновывается взаимосвязь противоречия интересов между доверителями адвоката и противоречия интересов адвоката со своим доверителем. Установлено, что одним из последствий противоречия интересов доверителей адвоката является противоречие интересов адвоката и его доверителя, в том числе и подзащитного. Проведено разграничение таких понятий, как конфликт интересов и противоречие интересов. Исследованы основные проблемы процессуального реагирования на противоречие интересов доверителей адвоката-защитника в уголовном процессе, предложены пути их разрешения, в том числе и в целях соблюдения режима адвокатской тайны и надлежащего исполнения других обязанностей адвоката-защитника. Определены основные условия законности постановления об отводе защитника от осуществления защиты в уголовном процессе.

Ключевые слова: противоречие интересов, конфликт, защитник, доверитель, подзащитный, адвокат, уголовный процесс, отвод, законность, прекращение защиты, отказ от защиты, квалифицированная юридическая помощь, полномочия защитника, права адвоката.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.177-185

Анализ вопросов установления противоречия интересов подзащитных и реагирования на него требует учитывать неразрывную взаимосвязь, которая имеется между противоречием интересов подзащитных и противоречием интересов адвоката и его подзащитного.

1. Отсутствие противоречий между законными интересами адвоката и его доверителя является неотъемлемым условием оказания квалифицированной юридической помощи, гарантированной каждому положениями ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Такие интересы необязательно должны полностью совпадать. Так, объектом ин-

© Купрейченко С. В., 2017

* Купрейченко Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, адвокат Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры»

svk82003@list.ru

125565, Россия, г. Москва, ул. Новокосинская, д. 38, корп. 3, кв. 7

тересов доверителя могут быть различные имущественные или неимущественные права, которые он отстаивает, тогда как интерес адвоката должен быть несколько шире, включать в себя также и полное исполнение своего адвокатского долга перед доверителем и обществом в целом.

В силу положений абз. 2 пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ (далее — Закон об адвокатской деятельности) по предмету соглашения, заключенного с доверителем, адвокат не может иметь самостоятельного интереса, противоречащего интересам доверителя. В целом соблюдение этого требования исключает любое противоречие интересов адвоката и его подзащитного. Однако при определенных обстоятельствах выявление противоречия интересов со своим доверителем затруднительно даже для добросовестного адвоката. В целом это связано либо с возможностью возникновения у адвоката неосознанного интереса, который тем не менее может влиять на его деятельность, либо с отсутствием у адвоката достаточной информации, необходимой для установления неочевидного противоречия.

По этой причине законодатель вынужден был в абз. 3—5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности закрепить положения, которые по своему существу затрагивают частные случаи возникновения противоречия интересов адвоката с доверителем.

Когда достоверно определить противоречие интересов затруднительно, но высок риск его возникновения, законодатель идет на фактическое закрепление презумпции такового, прямо запрещая адвокату в абз. 3—4 пп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности принимать от доверителя поручение в ряде случаев.

В некоторых же ситуациях презумпций недостаточно и противоречие интересов необходимо устанавливать во избежание нарушения права на защиту, несмотря на все связанные с этим проблемы.

2. Согласно абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности «адвокат не вправе

принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противостоят интересам данного лица».

Несмотря на то, что в данной норме речь идет о противоречии интересов доверителей, она фактически решает также задачу предотвращения конфликта интересов между адвокатом и доверителем. Само по себе противоречие интересов участников правоотношений является для права естественной и движущей силой, которая порождает необходимость развития и совершенствования правового регулирования. Однако когда юридическую помощь сторонам, между которыми имеется противоречие интересов, оказывает один адвокат, интересы одной или сразу нескольких сторон неизбежно ущемляются, за исключением редких ситуаций, когда стороны достигают компромисса, который объективно является оптимальным для каждой из них. Впрочем, и в последнем случае, во-первых, крайне сложно определить, был ли такой компромисс действительно наилучшей возможностью для каждой из сторон, а во-вторых, нет никаких оснований полагать, что он не был бы достигнут, если бы каждая сторона имела своего адвоката.

Поскольку же неотъемлемым условием адвокатской деятельности является наличие у адвоката интереса в честном и добросовестном отстаивании прав, свобод и интересов доверителей, попытка адвоката исполнить свои обязанности перед двумя доверителями, интересы которых противостоят, неизбежно порождает противоречие интересов самого адвоката и его доверителя.

Таким образом, следует признать, что основной угрозой, которую таит в себе противоречие интересов доверителей адвоката, является именно неизбежное возникновение противоречия интересов адвоката и его доверителя.

По этой причине гарантии ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, могут быть соблюдены в уголовном процессе только в случае исключения проти-

¹ СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

воречия интересов доверителей, которым адвокат-защитник оказывает или оказывал ранее юридическую помощь в любой форме.

3. Поскольку реализация фундаментальных конституционных гарантий не может быть поставлена законодателем в зависимость от усмотрения сторон, законодатель в упомянутых нормах Закон об адвокатской деятельности, а также в ст. 10, 11 и 13 Кодекса профессиональной этики адвоката закрепил ряд общих положений, направленных как на предотвращение, так и на устранение противоречия интересов доверителей.

Применительно к деятельности защитника ряд соответствующих положений предусмотрен и в уголовно-процессуальном законе. Так, согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ, «одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого». В случае же если противоречие интересов уже возникло, положения ст. 72 и 69 УПК РФ допускают отвод защитника. Кроме того, в соответствии с разъяснениями № 1 Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката², адвокату следует выйти из дела, когда он защищает двух подозреваемых или обвиняемых и в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства интересы одного из них вступают в противоречие с интересами другого. При этом в соответствии с указанным разъяснением предпочтение одного подзащитного другому будет профессионально неэтичным. Аналогичная позиция выработана и юридической доктриной, хотя эмпирические исследования показывают, что правоприменители нередко занимают ошибочную позицию о необходимости отвода адвоката от защиты только одного из доверителей, чьи интересы противоречат³.

Таким образом, в законодательстве и правоприменительной практике достигнута определенность относительно недопустимости противоречия интересов и последствий его выявления.

Однако для того, чтобы соответствующие нормы нашли свое эффективное и правильное применение, прежде всего требуется установить сам факт противоречия интересов доверителей, который и является основанием для принятия соответствующих решений и наступления процессуальных последствий.

4. Для выявления противоречия интересов доверителей требуется достигнуть определенности в вопросе о содержании этого понятия.

Прежде всего следует обратить внимание, что противоречие интересов было бы не вполне корректно отождествлять с конфликтом интересов, хотя эти понятия и близки. В. А. Соснин определяет социальный конфликт как «процесс развития и разрешения противоречивости целей, отношений и действий людей, детерминированный объективными и субъективными причинами и протекающий в двух взаимосвязанных формах: скрытых противоречивых психологических состояний и открытых противоречивых действий сторон на индивидуальном и групповом уровнях»⁴.

Таким образом, конфликт, в том числе и в праве, включает в себя противоречие, но не исчерпывается им. Применительно к уголовному процессу это означает, что противоречие может быть как активным, так и пассивным, вытекающим, например, из различия позиций по делу, отношения доверителей к тем или иным фактам и т.п. Использование законодателем именно термина «противоречие» применительно к интересам доверителей вполне объяснимо стремлением минимизировать возможность наступления вредных последствий противоре-

² Разъяснения Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 7 октября 2003 г. // Сборник нормативных и информационных материалов за 2002—2014 годы : Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Спец. вып. М., 2014. С. 108—109.

³ См. подробнее: Таран А. С. Процессуальные последствия конфликта интересов доверителей адвоката // Адвокатская практика. 2014. № 4. С. 37.

⁴ Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология : учебное пособие. М. : Форум: ИНФРА-М, 2006. С. 282.

чия интересов, которые практически неизбежны в случае, если такие противоречия настолько очевидны, что перерастают в конфликт. По этой же причине для целей установления противоречия интересов подзащитных целесообразно понимать противоречие как можно более широко, учитывая как полную, так и частичную несовместимость интересов как в целом по делу, так и в отношении каких-либо отдельных процессуальных действий или решений, например, относительно наложения ареста на имущество и т.п.

Единой позиции о том, что именно подразумевается под понятием «интерес» в юриспруденции не достигнуто, но ряд авторов сходятся во мнении, что под ним следует понимать «объективно существующую социальную потребность, обусловленную положением личности (или общности) в обществе и направленную на создание необходимых социальных условий, способствующих самоутверждению и дальнейшему развитию личности (или общности)...»⁵.

Представляется, что для целей уголовного процесса следует разграничивать личный (субъективный) интерес участника уголовного процесса и его объективный процессуальный интерес, состоящий в широком смысле в полном соблюдении всех прав и свобод, отстаиваемых соответствующим участником уголовного процесса. Последний можно также рассматривать как предполагаемый законодателем законный интерес, обусловленный спецификой процессуальной роли участника уголовного процесса. При этом нужно принимать во внимание, что личный интерес участника уголовного процесса может не только не совпадать, но и противоречить этому предполагаемому интересу. Не случайно законодатель в положениях пп. 3 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности вынужден учитывать возможность самооговора доверителя.

Какой же интерес должен принимать во внимание участник уголовного процесса, устанавливая противоречие интересов доверителей адвоката-защитника?

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами.

Такая формулировка указывает на то, что с точки зрения закона юридическая помощь оказывается для отстаивания законных, а не каких-либо иных интересов. Это приводит к выводу о том, что о противоречии именно таких, законных, интересов идет речь и в положениях абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Таким образом, при определении противоречия интересов доверителей следует учитывать не только их личные, но и объективные законные интересы. На практике возможны ситуации, когда с точки зрения личного интереса один из доверителей-подзащитных может быть заинтересован в самооговоре, а другой — в защите от выдвинутых обвинений. В этом случае личные интересы подзащитных будут совпадать, но их законные интересы могут при этом находиться в противоречии, и тогда полная реализация права на защиту каждого из них может быть достигнута только через оказание им юридической помощи разными адвокатами.

Однако неправильно было бы считать, что в условиях противоречия личных интересов доверителей их мог бы защищать один адвокат без ущерба для реализации права на защиту, поскольку противоречие личных интересов не может служить базисом для формирования совместимых законных интересов. Поэтому при разрешении вопроса о наличии противоречия интересов адвокат-защитник должен анализировать сначала личные интересы своих доверителей, но при установлении их совместимости не останавливаться на этом, выясняя не противоречат ли их законные интересы.

По субъектному составу противоречие интересов может возникать не только между подзащитными одного адвоката. Из формулировки ст. 72 УПК РФ следует, что противоречие интересов может иметь место между подзащитным

⁵ См.: например: *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970. 190 с.

и иными лицами, которым адвокат оказывает или оказывал в прошлом юридическую помощь, как в форме защиты по уголовному делу, так и в иных формах.

5. В тех случаях, когда имеет место явное противоречие интересов доверителей, установить его не представляет особой сложности, поскольку работа адвоката по любому делу предполагает достаточно высокую степень осведомленности обо всех его фактических обстоятельствах. Располагая такой информацией, адвокат имеет возможность определить интересы доверителей и прийти к выводу о том, что их интересы вступают в противоречие, либо о том, что такое противоречие возникнет, если адвокат примет поручение от потенциального доверителя.

Но иногда противоречие интересов неочевидно, особенно в свете того, что, как указано выше, само понятие противоречия, в отличие от конфликта, включает и ситуации, когда нет явного столкновения или противоборства, выражающегося в каких-либо процессуально значимых действиях или решениях. По сложным уголовным делам может быть затруднительно определить, в чем именно состоят подлинные интересы подзащитных, особенно если речь идет не об исходе дела в целом, а об отдельных процессуальных решениях, например по вопросу квалификации тех или иных действий подзащитных.

Кроме того, противоречие интересов может быть порождено как согласованной с подзащитным тактикой защиты, так и, например, процессуальными действиями лиц, осуществляющих уголовное преследование. Противоречие интересов может возникнуть при вступлении в уголовный процесс новых участников, например, при вызове свидетеля, которому адвокат-защитник оказывает или ранее оказывал юридическую помощь. Все это указывает на то, что даже при тщательном отношении к исполнению профессиональных обязанностей защитник не всегда имеет возможность получить информацию о противоречии интересов доверителей до принятия на себя защиты.

6. Когда адвокат, осуществляя защиту, приходит к выводу о том, что интересы его подзащит-

ного входят в противоречие с интересами иного лица, которому он оказывает или оказывал юридическую помощь, ему следует принять решение о выходе из дела, но процесс реализации такого решения не регламентирован с достаточной четкостью. Заметим, что подзащитные могут и не быть осведомлены о факте возникновения противоречия интересов. Разъяснение же сути этих противоречий со стороны самого адвоката может быть связано с нарушением адвокатской тайны, так как сведения, приводящие к выводу о наличии противоречий, как правило, поступают к адвокату в процессе оказания им юридической помощи доверителю. Тем самым стремление адвоката выйти из процесса по собственной инициативе рискует встретить непонимание подзащитного. Последний может рассматривать такие действия, как нарушение положений ч. 7 ст. 49 УПК РФ, согласно которой адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

Представляется, что в случаях такого рода адвокату следует ставить в известность своего подзащитного о самом факте противоречия как об обстоятельстве, исключающем в силу положений п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ участие защитника в производстве по уголовному делу.

Это уведомление наделяет подзащитного достаточной информацией для принятия решения об отказе от защитника в порядке ст. 52 УПК РФ. Такой путь прекращения осуществления защиты представляется наиболее рациональным с точки зрения как защиты интересов клиента, который сам принимает соответствующее решение, так и с точки зрения обеспечения сохранности адвокатской тайны.

Однако следует заметить, что, во-первых, не всякий доверитель будет готов принять соответствующее решение. Во-вторых, необходимо принимать во внимание и положение ч. 2 ст. 52 УПК РФ, в соответствии с которым даже принятое подзащитным решение может не повлечь предполагаемого результата, поскольку отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

7. При таком развитии событий единственным законодательно закрепленным механизмом прекращения участия адвоката в деле явля-

ется его отвод, хотя и эта процедура порождает ряд процессуальных проблем. В силу положений ч. 1 ст. 62 УПК РФ при наличии оснований для отвода, предусмотренных гл. 9 УПК РФ, защитник обязан устраниваться от участия в производстве по уголовному делу. Таким образом, инициатива прекращения участия в деле защитника, осведомленного о наличии противоречия интересов подзащитных, должна исходить именно от защитника. Получение адвокатом-защитником информации о противоречии интересов подзащитных или интересов подзащитного и иного лица, которому адвокат оказывал или оказывает юридическую помощь, влечет за собой возникновение предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ обстоятельства, исключающего его участие в производстве по уголовному делу. Впрочем, сам этот факт не влечет прекращения участия защитника в уголовном деле. Полномочие на принятие соответствующего решения законодателем делегировано дознавателю, следователю, суду или судье, поскольку в силу положений ч. 2 ст. 72 УПК РФ решение об отводе защитника принимается именно в порядке, установленном ч. 1 ст. 69 УПК РФ.

Таким образом, с точки зрения закона осведомленность адвоката об обстоятельстве, исключающем его участие в производстве по уголовному делу, лишь порождает его обязанность обратиться к соответствующему уполномоченному субъекту с заявлением об отводе, информировав его о наличии соответствующего обстоятельства с тем, чтобы, оценив предоставленную информацию, субъект имел возможность принять соответствующее решение. Здесь и кроется основная процессуальная проблема реализации процедуры отвода защитника. В силу положений ч. 1 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю». Сохранение режима адвокатской тайны составляет фундамент адвокатской деятельности и его ограничение допустимо только в случаях, прямо предусмотренных в законе. Информация о наличии противоречия интересов подзащитных (либо интересов подзащитного и иного лица, которому адвокат оказывает или оказывал юридическую

помощь) вне всяких сомнений также относится к адвокатской тайне. Таким образом, возникает коллизия, при которой, с одной стороны, защитник должен стремиться предоставить уполномоченному лицу полную информацию о факте возникновения противоречия интересов для принятия обоснованного решения об отводе, а с другой — не может предоставить такую информацию, так как это связано с нарушением режима адвокатской тайны.

С учетом данного обстоятельства обращение защитника с заявлением о своем отводе в связи с противоречием интересов доверителей (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ) должно рассматриваться как безусловное основание для вынесения уполномоченным лицом постановления об отводе независимо от полноты предоставленной защитником информации. При таком подходе защитник получает возможность минимизировать объем разглашаемой информации во избежание нарушения режима адвокатской тайны и, как следствие, прав доверителей. Впрочем, и эта трактовка разрешает проблему лишь частично, поскольку само сообщение о факте противоречий интересов доверителей может повлиять на дальнейшие процессуальные решения по уголовному делу и по своему существу также может быть оценено как разглашение адвокатской тайны. Такие обстоятельства следует признать чрезвычайными и нельзя рассматривать как основание для привлечения защитника к дисциплинарной ответственности, особенно принимая во внимание тот факт, что для защитников, участвующих в уголовном процессе в порядке ст. 51 УПК РФ, нет иных возможностей прекращения участия в уголовном деле при выявлении противоречия интересов. При этом следует всегда учитывать, что подобные действия совершаются защитником именно в интересах доверителей.

8. Для адвокатов-защитников, участвующих в уголовном процессе по соглашению, актуальность приобретает предоставление возможности расторжения соглашения с доверителем по собственной инициативе в случае выявления обстоятельства, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ. Прекращение соглашения по данному основанию не следует рассматривать как нарушение предусмотренного ч. 7 ст. 49 УПК РФ за-

прета на отказ от принятой на себя защиты. Этот законодательный запрет направлен на недопущение прекращения защиты по воле защитника, поскольку такое действие может нанести ущерб подзащитному. В случае же возникновения противоречия интересов доверителей защитника именно продолжение защиты таит в себе угрозу нарушения прав подозреваемого или обвиняемого. Кроме того, при прекращении соглашения в связи с выявлением противоречия интересов доверителей защитник не является источником свободного волеизъявления, направленного на прекращение соглашения. В данном случае он лишь исполняет прямое требование ч. 1 ст. 62 УПК РФ, согласно которому защитник обязан устраниваться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований для отвода, предусмотренных гл. 9 УПК РФ.

Не случайно при рассмотрении конкретного дисциплинарного производства Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы ранее выражала «сомнение в обоснованности и логичности запрета, установленного п. 9 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не может расторгнуть соглашение на защиту по уголовному делу, если выявятся обстоятельства, при которых адвокат был не вправе принимать поручение»⁶. При таком механизме прекращения участия в уголовном процессе нельзя исключить и определенные злоупотребления, например, при расторжении соглашения под надуманными предлогами в отсутствии реальных противоречий. Тем не менее маловероятно, что такие действия не могут носить массовый характер как в силу закрепления в Кодексе профессиональной этики адвоката соответствующих запретов, так и в силу возможности привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за такие недобросовестные действия.

9. По смыслу положений ч. 2 ст. 62 УПК РФ защитник не является единственным субъектом установления противоречия интересов доверителей. Нередко инициатива прекращения участия защитника в уголовном деле по основа-

нию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, исходит от дознавателя, следователя или суда.

Когда вывод об интересах подозреваемого или обвиняемого делается этими субъектами не на основании заявления защитника или подзащитного и добровольно сообщаемой ими информации, а по итогам оценки каких-либо иных доказательств, установление противоречия интересов доверителей адвоката-защитника представляет особую сложность. Зачастую даже процессуально значимые действия участников процесса, включая подозреваемого и обвиняемого, не свидетельствуют с достоверностью о подлинном содержании их интересов. В этих случаях велик риск их неверной интерпретации и ошибочного установления противоречия интересов, что чревато необоснованным отводом защитника и, как следствие, нарушением права на защиту. Ситуация осложняется и тем, что защитник и его доверители при незаконном отводе защитника весьма ограничены в возможности его оспаривания, поскольку, делая это, они могут быть вынуждены сообщить информацию, составляющую адвокатскую тайну, и информацию, которую исходя из избранной тактики защиты и позиции по делу они не считали целесообразным придавать огласке.

По этой причине дознаватель, следователь или суд при недостаточности информации или наличии сомнений в ее достоверности должны принимать меры к дополнительному подтверждению наличия противоречия интересов прежде всего путем получения информации непосредственно от подозреваемого или обвиняемого. Отвод защитника в условиях, когда указанные субъекты и сам отводимый отрицают противоречие интересов, допустим лишь в исключительных случаях и при наличии веских доказательств, подтверждающих факт возникновения противоречия интересов.

Это полностью согласуется и с позицией Конституционного Суда РФ, который в своем определении от 24 сентября 2012 г. № 1796-О отметил, что «решение об отводе защитника должно быть законным, обоснованным и моти-

⁶ Заключение Квалификационной комиссии № 2 // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. 2009. Вып. № 10, 11, 12. С. 69.

вированным, содержащим указание конкретных фактических оснований для его принятия, базирующихся на материалах дела, и может быть обжаловано прокурору или в соответствующий суд, которые с учетом всех обстоятельств дела оценивают, насколько правомерно в каждом отдельном случае лицу отказывается в допуске выбранного им защитника к участию в уголовном деле»⁷.

10. На практике постановление об отводе защитника порой становится результатом либо поверхностной оценки показания участников процесса, либо предположения о возможности возникновения противоречия интересов без приведения достаточных сведений, указывающих на его возникновение. Вместе с тем крайне важно отделять сам факт противоречия интересов от возможности его возникновения.

Нельзя отрицать, что по сложным уголовным делам с большим числом подозреваемых или обвиняемых повышается вероятность возникновения противоречия интересов. Справедливо также отметить, что осуществление защиты по такому делу требует от адвоката анализа и учета интересов сразу нескольких подозреваемых или обвиняемых. В этих условиях на работу адвоката-защитника будет оказывать влияние сама возможность возникновения противоречия интересов, и именно она явится фактором, угрожающим оказанию квалифицированной юридической помощи по делу.

Однако, как указал в уже упомянутом определении Конституционный Суд РФ, норма п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ «не может быть истолкована как предоставляющая органу, в производстве которого находится уголовное дело, возможность отказывать подозреваемому, обвиняемому в осуществлении права на самостоятельный выбор защитника без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения как его права на защиту, так и прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия».

Исходя из этого, основанием для отвода адвоката-защитника может быть только установленный факт противоречия интересов доверителей, а не угроза его возникновения. Во всех случаях отвода защитника утверждение о противоречии интересов доверителей должно быть конкретизировано и обоснованно ссылками на соответствующие факты, указывающие на наличие противоречия. Не случайно наука определяет интерес не как нечто абстрактное, а как объективно существующую социальную потребность.

Нельзя признать достаточным обоснование законности принятого решения лишь формальным указанием на то, что оно отвечает требованиям уголовно-процессуального закона, предъявляемым к форме и содержанию указанного процессуального документа, и ссылкой на наличие противоречия интересов, без какого-либо углубленного исследования их содержания.

Во избежание подобных нарушений следует принимать во внимание, что непосредственными носителями информации о наличии или отсутствии противоречия интересов являются доверители адвоката, в том числе подозреваемый и обвиняемый. Эти участники уголовного процесса могут обладать наиболее полной и достоверной информацией, необходимой для правильного определения наличия или отсутствия противоречия интересов. В связи с этим сообщенные ими сведения должны играть решающую роль в установлении противоречия. Соглашаясь с тем, что такие сведения не могут предрешать законность или незаконность постановления об отводе защитника, особенно в тех случаях, когда они вызывают обоснованные сомнения, следует заключить, что уклонение от их исследования является недопустимым.

По этой причине при оспаривании соответствующих постановлений об отводе защитника стороной защиты именно всесторонняя оценка позиций адвоката-защитника и его доверителей является залогом принятия законного и обоснованного решения.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1796-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ефимовой Натальи Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Габов А. Б. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ : Проблемы правового регулирования. — М. : Статут, 2005. — 412 с.
2. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. — Саратов, 1970. — 190 с.
3. Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология : учебное пособие. — М. : Форум ; Инфра-М, 2006. — 416 с.
4. Таран А. С. Процессуальные последствия конфликта интересов доверителей адвоката // Адвокатская практика. — 2014. — № 4. — С. 34—38.

Материал поступил в редакцию 7 февраля 2017 г.

CONFLICTS OF INTEREST BETWEEN ATTORNEY AT LAW CLIENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS. THE CONCEPT, CONSEQUENCES, PROBLEMS OF ESTABLISHING AND PROCEDURAL RESPONSE

KUPREICHENKO Sergey Vladimirovich — PhD in Law Attorney, “Kaganov and Partners” Moscow Law Firm
svk82003@list.ru
125565, Russia, Moscow, Novokosinskaya Str., 38, build. 3, apt. 7

Review. *The article is devoted to the various conflicts of interest between the attorney at law client in criminal proceedings and his other clients, as well as other clients of the lawyer, which he has previously provided legal assistance in any form. This paper deals with the legal essence of the conflicts of interests between clients, as well as the relationship of the conflicts of interests between the lawyer’s clients and conflicts of interest between a lawyer and its client. It has been established that one of the consequences of the conflicts of interests of the lawyer’s clients is a conflict of interest between the lawyer and his client, including the defendant. The author differentiates between such concepts as a conflict of interests and a clash of interests. The article investigates the main problems of procedural responding to conflicts of interest between clients of the attorney at law in criminal proceedings, the ways of their resolution, including complying with the regime and proper execution of attorney-client privilege and proper execution of other responsibilities of the lawyer of the defense. The basic conditions of the legality of regulations for the disqualification of a defender from exercising protection in criminal proceedings are defined.*

Keywords: *conflicts of interest, conflict, defender, client, defendant, attorney at law, criminal procedure, disqualification, the legitimacy of, the termination of protection refusal of protection, qualified legal assistance, the powers of the ombudsman, the right to a lawyer.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gabov A. B. Sdelki s zainteresovannost’ju v praktike akcionernyh obshhestv : Problemy pravovogo regulirovaniya. — M. : Statut, 2005. — 412 s.
2. Gukasjan R. E. Problema interesa v sovetskom grazhdanskom processual’nom prave. — Saratov, 1970. — 190 s.
3. Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Krasnikov M. A. Social’naja psihologija : uchebnoe posobie. — M. : Forum ; Infra-M, 2006. — 416 s.
4. Taran A. S. Processual’nye posledstvija konflikta interesov doveritelej advokata // Advokatskaja praktika. — 2014. — № 4. — S. 34—38.